
ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1755 год

Слушание статей нового Уложения. - Межевое дело. - Самоуправства. - Новый генерал-кригскомиссар князь Шаховской. - Башкирский бунт и его утушение. - Продолжение неприятных сношений с польско-саксонским правительством по делу князей Чарторыйских и отозванию саксонского посланника Функа из Петербурга. - Дело о конвенции с Англиею. - Реляция Панина о состоянии дел в Швеции и письмо к нему канцлера Бестужева. - Уступка требованиям Турции относительно строения крепости св. Елисаветы.

Главным занятием Сената в продолжение 1755 года было слушание статей нового Уложения. 11 апреля начали слушать Уложение, и выслушано первой части одиннадцать глав и доклад комиссии о соединении некоторых правительственных учреждений с другими, а именно: вместо Ревизион-коллегии положено быть при Сенате и Сенатской конторе счетным экспедициям; вместо Мануфактур-коллегии - экспедиция при Главном магистрате; Штатс-контору соединить с Камер-коллегиею; дела Раскольничьей конторы и сбор денег с раскольников поручить Камер-коллегии; дела Сибирского приказа распределить по другим местам. 12 июля приказали доложить императрице, что нового Уложения сочинены две части, судная и криминальная, с их процессами, с изъяснением, на каком основании каждая глава и пункт сочинены; эти две части Сенатом, а некоторые главы сообща с Синодом одобрены и подносятся для высочайшей конфирмации.

Рассмотрение обширного шуваловского проекта, поданного в прошлом году, Сенат в некоторых частях соединил с делом нового Уложения: о форпостах велел рассмотреть комиссии, учрежденной при Военной коллегии, а Военной коллегии, рассмотрев мнение комиссии, подать с своим мнением в Сенат; о смоленской шляхте учредить в Смоленске особую комиссию; о построении солдатских слобод рассуждать комиссии при Военной коллегии; о магазинах рассмотреть в особой комиссии; о земских комиссарах рассмотреть в комиссии об Уложении; о Конторе государственной экономии рассмотреть в особой комиссии; о губернаторах и воеводах в комиссии об Уложении. Шувалов, назначенный государственным межевщиком, спешил исполнением вверенного ему дела и предложил, чтоб велено было производить межеванье во все праздничные и воскресные дни, кроме высокаторжественных, по окончании литургии. Сенат согласился и назначил праздничными днями для межевщиков следующие шесть с весны до октября: Пасху, 21 апреля

(рождение великой княгини), 25 апреля (коронация), 29 июня (именины наследника и его сына), 5 сентября (именины императрицы), 20 сентября (рождение великого князя Павла Петровича). По представлению того же Шувалова флотский капитан Безобразов определен опекуном при межевании: когда кто-нибудь из землевладельцев потерпит несправедливость от межевщиков при размежевании и в межевой канцелярии скорого удовлетворения не получит, то жалуется опекуну, который ведет дело в губернской межевой канцелярии, если же последняя замедлит, то переносит дело в Главную межевую канцелярию. Наконец, Шувалов предложил не делать астролябий для межевания при Академии наук в Петербурге, а выписывать их из Англии, потому что сделанные при Академии становятся почти вдвое дороже против английских.

Комиссия и Сенат работали над новым Уложением. Между тем случаи самоуправства повторялись, и иногда в страшных размерах. Придворная заготовщица Авдотья Кирова, приехавшая из Архангельска, где покупала разные припасы и лебяжий пух для императрицы, подала в Кабинет жалобу, что дорогою в двух местах подверглась она великим озорничествам: в Белозерском уезде в деревне Власово крестьяне помещика Спасителя, собравшись многолюдством, били кольями провожавших ее солдат за то, что они требовали подвод; Олонецкого уезда в Вытегрском погосте крестьяне по многим требованиям дали только три подводы, а остальных четырех не дали и, собравшись с кольями, хотели бить; увидав это, Кирова уехала с солдатами на трех лошадях, а припасы все и пух на четырех возах остались в погосте. Но Сенат знал, что подобные явления вызываются со стороны самих едущих, он знал, как в Петербурге разных чинов люди, нанимая для езды в городе и около города лежащих мест ямщиков и разночинцев с лошадьми, ездят так скоро, что лошади падают, а если извозчик скоро не поедет, то ездок сам и люди его немилостиво бьют извозчика и по другим дорогам берут подводы лишние против написанного в подорожных. Сенат своим указом запретил все это; но насколько сенатский указ подействовал - это другое дело. Иверский монастырь жаловался на ямщиков Зимнегорского яма, которые в числе трехсот напали на монастырских крестьян, убили до смерти шесть человек да ранили 44. В Пошехонском уезде помещица Побединская, собравшись с людьми своими, изрубила двоих гренадер лейб-компания, Фрязина и Леонтьева. На следствии Побединская показала, что Фрязин сильно обижал ее и ее крестьян, была у нее с ним ссора и жалоба в Пошехонскую канцелярию: 10 мая Фрязин и Леонтьев пришли на поле сельца ее Сырнева, где люди ее боронили землю, и стали одного из боронивших немилостиво бить, другой бросился бежать в сельцо и сказал ей об этом. Тогда она с людьми и крестьянами прибежала к Фрязину и Леонтьеву, которые выстрелили по ней из двух ружей, и один из людей их ударил ее по левой руке, ее люди и крестьяне вступились за нее и начали драться, а она пошла домой. Но люди ее на пытке показали, что она кричала: "Бейте, бейте до смерти! Я в ответе" - и сама была уже лежачего Леонтьева кулаками.

Побединскую сослали навеки в дальний монастырь, людей наказали кнутом и сослали в Нерчинск на печную работу.

Это дело было решено с изумительной скоростью - в семь месяцев! - тогда как другие тянулись по 15 лет. Только в 1755 году решено было дело юрьевского канцеляриста Коковинского, который вместе с воеводою Тименевым в 1739 году замучил на пытке крестьянина и спустя полгода написал расспрос и пыточные речи, в которые внес разные воровства, чего крестьянин на себя не показывал: воеводу за старостью и дряхлостью не пытали, и он во время следствия умер; канцеляриста сослали в Сибирь на вечную работу. В 1755 году кончилось тянувшееся с 1746 года дело вдовы экипажмейстера Зотова, которая обвинялась в том, что, родивши мертвую дочь, объявила, что родила сына, которого принесли ей от матросской жены: Зотова наконец повинилась в застенке, после того как при ней попытали какую-то уголовную преступницу: вследствие того мальчику, которого она называла сыном своим и которому уже был тринадцатый год, запрещено называться Кононом Зотовым, велено называться ему Александром Александровым по крестному отцу Нарышкину, и определили его на шпалерную фабрику. Саму Зотову Сенат приговорил к плетям и ссылке.

Относительно финансов Сенат успокоился на принятых мерах, следя внимательно за продажей соли и вина. В 1754 году продано было соли 6789633 пуда 31 фунт; из собранной прибыли, за исключением миллиона, отослано в Комиссариат в зачет подушного оклада на 1755 год 304802 рубля 47 копеек. Винная продажа дала в 1754 году 1272284 рубля.

Сенат приобрел хорошего эконома в новом генерал-кригскомиссаре князе Шаховском, хотя иногда не очень удобного для некоторых. Он нашел в своей инструкции: "Генералу-кригскомиссару надлежит быть доброму эконому и пользу своего государя крепко хранить; военным чинам жалованье по их окладам производить за действительную службу, а в отлучках и излишних прогулках находящимся оно не производить" - и решился исполнять инструкцию буквально, вследствие чего вступил как с Военною коллегиею, так и с высоким генералитетом в великие споры и несогласия. Граф Петр Ив. Шувалов сообщил ему изустное повеление императрицы, что один офицер для нужд его уволен на год, а жалованье ему производить за все то время по его чину. Шаховской отвечал, что он по своей инструкции исполнить этого не может без точного указа за собственноручным ее величества подписанием. Этот ответ возбудил негодование всего высокого генералитета. Однажды перед конференциею при дворе генералы окружили Шаховского с разными пенями, что отказывает им в их требованиях относительно денег, а некоторые с насмешкою говорили ему: "Теперь твоя должность не такая, какую ты имел в Синоде, и время нетерпящего исполнения требует и не может всегда производима быть по письменным указам; а ежели и во время военных действий так все по точным узаконениям и указам производить и

исполнять будешь, тогда великие остановки и невозвратимые со временем утраты приключать будешь". "Конечно, не иначе, - отвечал Шаховской, - и чтоб вы заблаговременно о том знали и соизволили б исходатайствовать мне от ее величества такие указы, дабы я во всякое время по всем вашим письменным и словесным требованиям исполнял, в чем со тщанием и повиноваться буду; буде же таких указов не будет, то б не жаловались на меня и на мои в том упорства, и без того не токмо по собственным вашим рассудков требованиям, но ниже по словесным, объявляемым чрез других именных указам излишнего сверх узаконенных порядков исполнять не буду; а ежели вам удивительно такое в том мое упрямство, так я таким быть от ее величества научен чрез многие дела в бытность мою в Синоде".

Шаховской не говорит в своих записках, чем кончилось его столкновение с графом Петром Шуваловым по поводу невыдачи жалованья находившемуся в отпуску офицеру. Военная коллегия жаловалась Сенату на Комиссариат: по силе именного указа, объявленного ей графом Петром Ив. Шуваловым, лейб-кирасирского полка ротмистру графу Вальдштейну дозволено жить в Москве для женитьбы с удержанием жалованья и рационов; ротмистр этот теперь в Петербурге, и поэтому Комиссариат послал в свою контору указ, если Вальдштейн без исправления должности живет в Петербурге, то жалованья ему давать не следует. Военная коллегия велела дать жалованье, потому что Вальдштейн находится в Петербурге по соизволению императрицы и бывает всегда видим в ее присутствии, только еще не женился, ожидая о женитьбе высочайшего повеления. Сенат согласился с Военною коллегиею.

Шаховской чистосердечно рассказывает об искушении, которому он подвергался, - искушении взять большую взятку. Исходил срок контракта с английским консулом и купцом Вульфом о поставке на войско сукон. Шаховской был того мнения, что контракта возобновлять не нужно, можно довольствоваться все войско сукнами с русских фабрик. Тогда Вульф обратился к двоим приятелям Шаховского, которые приехали к нему с предложением со стороны Вульфа серебряного сервиза или вместо него 25000 рублей, причем приятели объявили, что каждому из них в случае успеха их ходатайства обещано по 5000 рублей; от Шаховского за 25000 рублей ничего не требовалось, кроме молчания. Вульф брал на себя заставить других говорить в свою пользу. "Поверьте, благосклонный читатель, - пишет Шаховской, - что я, превозмогши оставить все титулы и дела, теперь в старости более о приближении смерти помышляя, происходившее со мною по самой истине описывать тшусь. И тако объявляю вам, что сим моих добрых приятелей уведомлением наипаче потому, что я тогда таких доходов к содержанию с домашними не имел, несколько был тронут: а мои приятели, то приметя по глазам моим, в тот же миг не оставили прилежно штурмовать мою крепость наичувствительнейшими выражениями, исчисляя моих неприятелей, а его (Вульфа) сильных покровителей, и что я чрез то себе не статую, как описывают о римских патриотах, но еще больше злодеев получу, а он,

конечно, чрез придворные дороги с немалым мне повреждением о том свои происки в действо произвести может. Мысли о 25000 рублях, тогда в недостатках находящегося и имеющего тогда дочь-невесту, для коей за недостатками ничего в приданое приготовлено не было, сделали в духе моем колебание. Я отвечал оным моим приятелям, что я имею нужду теперь ехать со двора и чтоб они приехали на другой день ко мне обедать, тогда решительный им ответ скажу. Оные соблазняющие и склоняющие к согласию с большим числом так поступающих людей мысли весь тот день меня колебали. Но напоследок, собрав в противоборствие слабостей и в подкрепление в мысли моей примеры прежде бывших в свете патриотов, кои, предпочитая истинную добродетель всему, не токмо убожество, но и многие бедствия терпеливо сносили и жизнь свою справедливости в жертву посвящали, усчастливился я помощью всевидящего из мыслей моих бродящие лакомства прогнать и твердое положил себе правило, чтоб тем не опорочить мои до того к справедливости устремления". На другой день Шаховской попросил приятелей своих сказать Вульфу, что он "справедливость, славу монархини и пользу отечества ни за какую цену продавать не намерен". Шаховскому удалось довести дело до сведения императрицы, которая, выразившись прямо в пользу мнения генерал-кригскомиссара, заставила этим молчать покровителей Вульфа.

Все распоряжения относительно войска получили особенную важность, потому что в воздухе пахло войной, несмотря на видимое спокойствие. Сеть союзов, которою государства старались окружить себя, производила то, что, где бы ни упала искра, пламя охватывало всю Европу. В это время, когда в Петербурге с напряженным вниманием следили за движениями в Европе, готовясь принять в них деятельное участие, вдруг приходит известие с Востока о восстании башкирцев. Причина восстания была религиозная: ревнители магометанства не могли переносить подчинения христианскому правительству. Виновником восстания было магометанское духовное лицо Батырша; почти все другие духовные лица действовали с ним заодно, и восстание вспыхнуло повсюду почти в один час. Неплюев, как нарочно, сильно занемог в это время; несмотря, однако, на болезнь, он сделал нужные распоряжения: разослал приказы в крепости по линии, чтоб были готовы к защите и по возможности делали поиски над бунтовщиками; велел немедленно выслать с Яика тысячу козаков; двинул внутрь страны три полка, находившиеся под его командою, с приказанием не щадить ни людей, ни жилищ для внушения страха и уничтожения зла в самом начале; написал, чтоб присланы были четыре полка, находившиеся в Казанской губернии. Так как башкирцы ждали помощи от киргизов, то Неплюев написал наместнику Калмыцкого ханства Дундуку, чтоб прислал тысячу калмыков вследствие усиливающихся киргизских дерзостей, ибо калмыки питали страшную ненависть к киргизам; написал к донскому атаману, чтоб прислал тысячу своих козаков; около тысячи оренбургских Козаков и 500 ставропольских крещеных калмыков отправил в те места по линии, где предвиделась опасность от киргизских нападений; к киргизам отправил на татарском языке листы от имени жившего в Оренбурге знатного

магометанского лица, пользовавшегося особенным уважением; здесь говорилось, что хотя он и радуется подвигу своих единоверцев, но так как башкирцы народ вероломный и непостоянный, то опасно, чтоб киргизы, оказавши им помощь, не сделались первою их жертвою. Между башкирцами разбросаны были также листы от имени того же оренбургского духовного лица с увещанием прекратить бунт; в грамотах от своего имени Неплюев обещал тысячу рублей тому, кто поймает и приведет Батыршу, и 500 рублей за поимку десяти лучших его учеников.

Но прежде чем войска правительства двинулись в указанных им направлениях, башкирцы побили много русских, причем отличались страшною свирепостью, резали в куски тело несчастного, попавшегося им в руки. Сильное сопротивление бунтовщикам оказали тептери и мещеряки; когда же пришли русские полки, то бунтовщики принуждены были перебираться за Яик к киргизам, и перебралось их с женами и детьми более 50000 душ. Неплюев послал в Киргизскую орду грамоты, в которых требовал, чтоб киргизы выдали бежавших к ним башкирцев мужеского пола или по крайней мере выгнали их из своей орды, а жен, дочерей и все имение взяли бы себе. Киргизы немедленно исполнили это требование; многие башкирцы, защищая своих жен и дочерей, были побиты, причем погибло много и киргизов; другие башкирцы прибежали в прежние свои жилища, и Неплюев велел пропускать их, чтоб они порассказали своим, как полагаться на киргизов. Толпа башкирцев явилась после того к Неплюеву за позволением отомстить киргизам. Неплюев позволения не дал, но переводчики внушили им, что "генералу нельзя вам позволить, но если вы без спроса разобьете киргизов, то думаем, что взыску с вас не будет". Башкирцы отправились за Яик и начали опустошать киргизские улусы. "Сие происшествие, - пишет Неплюев, - положило таковую вражду между теми мятежными народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна".

Прекращение смуты на Востоке давало возможность сосредоточить внимание на Западе.

В Дрездене английский посланник Уильямс показал Гроссу королевский рескрипт, в котором говорилось, что польские происшествия, возвышение кредита французской партии и уничтожение кредита партии русской не могут побуждать его великобританское величество к возобновлению субсидного трактата с его польским величеством как саксонским курфюрстом. Уильямс предложил Гроссу, не заблагорассудит ли он сделать об этом внушения графу Брюлю, чтоб склонить его поступать умереннее с Чарторыйскими. Брюль сам заговорил с Гроссом о субсидном договоре с Англиею, причем жаловался на поведение Уильямса, действующего явно заодно с Чарторыйскими. Тогда Гросс прямо сказал ему о содержании рескрипта английского короля к своему министру и прибавил, что так как заключение субсидного трактата зависит от доношений Уильямса, то он, Брюль, должен обходиться с ним искреннее и

дружественнее, чем в последние месяцы прошлого года. Брюль в ответ начал горячо оправдывать поведение двора относительно Чарторыйских; но после этого разговора с Гроссом он стал ласковее принимать Уильямса, который сообщил Гроссу о словах конференц-министра графа Рекса и советника посольства Саула, что если возобновление субсидного трактата зависит только от примирения Чарторыйских с двором, то последний не прочь от этого.

24 января у Брюля была конференция с Уильямсом в присутствии Гросса. Уильямс начал прямо, что относительно заключения субсидного трактата короля его останавливают польские отношения, усиление французской партии и притеснение благонамеренной и преданной России партии. Брюль в сильном раздражении отвечал, что все сделанное в Польше сделано справедливо, сделано единственно для охранения королевского авторитета против непристойного и досадительного упрямства неблагодарных Чарторыйских и друзей их: Франция и Пруссия в том никакого участия не имели. Король Август постоянно приносимыми версальскому двору жалобами на французского посла Брולי доказывает, что он твердо держится прежней системы: он, Брюль, тем более удивляется таким речам Уильямса, что сам французский посол жалуется на преступление к придворной партии Потоцких, которые преданы королю больше, чем прежде были Чарторыйские, и, таким образом, Франции теперь ни на кого полагаться нельзя. Уильямс сказал на это, что, напротив, Брולי хвастается произведением полной перемены в Польше, разрушением русской и поднятием французской партии, а король прусский недавно за столом публично отзывался, что он доволен ходом дел в Польше, из которых слов ясно, что ни английский король, ни русская императрица этим ходом дел довольны быть не могут. Брюль отвечал на это выходками против Чарторыйских, которые своим недоверием к королю одни подали повод к этой перемене; Уильямс с своей стороны складывал всю вину на Мнишка и окружающих его людей. Два часа продолжался между ними горячий спор, и никакого соглашения не последовало. Ясно было, что Уильямс испортил дело нападками на Мнишка. Гросс во все время спора хранил глубочайшее молчание. После этой шумной конференции Брюль говорил Гроссу, что Чарторыйские своим сопротивлением в острожском деле продолжают досаждать королю, что если исправятся, то король возобновит к ним свои милости, но что Уильямс сильно ошибается, если думает, что за субсидии, как бы они велики ни были, такой твердый государь, как их король, пожертвует своим авторитетом: король постоянно держится доброй системы и потому до сих пор отклонял предложения о субсидиях от французского посла, да и курфюрста баварского недавно отвратил от принятия французских предложений: против посла Брולי принесены жалобы его двору, интриги его при Порте с татарским эмиссаром уничтожены; гетман Браницкий отправил своего эмиссара в Константинополь Малчевского - и саксонскому резиденту при Порте ведено объявить визирю, что Малчевский человек неавторизованный и прямой шпион; все это доказывает, что польско-саксонский двор

французскую партию не ободряет, граф Мнишек во всем противник этой партии, а Потоцкие заслужили милость совершенную преданностью королю. Гросс все эти слова передал Уильямсу и заметил ему, что Франция своими субсидиями привлекла к своим интересам уже значительное число имперских князей: так хорошо ли, если и польско-саксонский двор обяжется с нею субсидным трактатом? "Полноте, - отвечал англичанин, - все это хитрости Брюля: французский двор и не думает предлагать Августу III субсидии".

Между тем смерть белорусского епископа Волчанского налагала на Гросса новую трудную обязанность - провести на это место русского кандидата. По рескрипту от своего двора Гросс просил Брюля доложить королю, что императрица, полагаясь на дружбу его, уверена, что его величеству не будет неприятна ее рекомендация кандидата на место Волчанского: этот кандидат - архимандрит Киево-Братского училищного монастыря и ректор Киевской Академии Георгий Кониский, природный шляхтич украинский, человек ученый, честный и благонравной жизни. Гросс прибавил, что его величество покажет этим особенное внимание к императрице, которая при каждом удобном случае взаимно заплатит таким же вниманием. Брюль отвечал, что с королевской стороны не будет никакого затруднения в назначении Кониского, но прежде всего король сообщит об этом канцлеру литовскому князю Чарторыйскому, который должен прислать свое мнение, нет ли законного препятствия. Гросс писал по этому случаю: "Так как определение греко-русского епископа в Литве всегда было противно духовенству римскому и униатскому, а теперь этому особенно противится митрополит полоцкий, то двор желает всю ненависть за это дело сложить на одного канцлера литовского, который при настоящем озлоблении на него двора, пожалуй, не захочет поступить вопреки уставам республики, запрещающим назначать в епископы не из польских и литовских шляхтичей". Через несколько времени Брюль объявил Гроссу, что, несмотря на письмо папы, не желающего определения нового греко-русского епископа, король намерен по прежним примерам *на этот раз* подписать привилегию Конискому. Гросс заметил, что по девятой статье вечного мира русские имеют право не на этот раз, но навсегда иметь своего епископа в Белоруссии и потому сопротивление папы, который не может уничтожать торжественные договоры, очень некстати.

Нужно было через Брюля выхлопотать необходимое для русских интересов утверждение Кониского и в то же время говорить Брюлю очень неприятные вещи. От 24 февраля Гросс получил рескрипт императрицы, в котором говорилось: "Не без крайнего сожаления усмотрено здесь из реляции вашей, что в конференции у графа Брюля с великобританским министром, когда последний много говорил в защиту нашей партии, т. е. Чарторыйских, вы простым свидетелем были, ибо вам наши намерения довольно известны и нами никогда отменяемы не были, почему вы были в состоянии достаточно подкреплять справедливые рассуждения Уильямса и в таком важном случае прилагать старания о нашем интересе. Наше

намерение, несмотря на рассуждение и старания графов Брюля и Мнишка, а может быть, на частный их интерес и пристрастие к новосоставленной ими партии, всегда и неотменно старых благонамеренных патриотов князей Чарторыйских с их партией как искуснейших и надежнейших для наших и собственных королевских интересов подкреплять и защищать, а притом и всех других магнатов явно не раздражать, но по удобствам стараться приласкать. В таком намерении мы повелеваем вам, испрося нарочно конференцию, графу Брюлю для донесения королю вновь представить, а если удобный случай будет, и самому королю словесно повторить, что, во-1, мы весьма неохотно уведомились, что наши пред сим его величеству дружески поданные присоветования о сбережении старых благонамеренных патриотов в их прежнем состоянии без утеснения и озлобления никакого действия не возымели и что нам сие тем наипаче удивительно, понеже присоветования наши токмо на дружбе к его величеству и на общих обоих дворов интересах основаны были. 2) Что мы как прежде, так и ныне присоветовать не хотим, чтоб кроме помянутых благонамеренных, между которыми главнейшие князья Чарторыйские разумеются, других в республике знатность и кредит имеющих магнатов пренебрегать и раздражать, но паче желаем, ежели возможно было б, и всех их воедино для единодушного поспешествования обосторонних интересов привлекать и в согласие приводить, а чтоб притом старых друзей, которых благонамеренность давно уже испытана, вовсе оставить и в бессилие привести, мы отнюдь за полезно признать не можем, да и сам его величество король по собственным своим интересам, соглашаясь в том с нами, не изволил бы того допустить, ежели б (как чаятельно) посторонние и безведома его величества чинимые происки иначе не подействовали, как то ныне видно, что 3) вместо прежней благонамеренной и в надежности довольными опытами засвидетельствованной новой будто двору королевскому преданная партия, в таких персонах состоящая, избрана и возвышена, которые в самом деле больше французскому двору всегда преданы были и которому наипаче они и впредь свои услуги делать обязаны будут, когда им по рекомендациям французским отличная королевская милость и такие награждения подаются, кои давно уже некоторым из прежней благонамеренной партии персонам обещаны были, но сии последние вместо того ныне совсем утесняются. 4) Что хотя мы не известны о прямых инако побудительных причинах, кои бы его величеству королю к такой перемене системы в королевстве повод подали, однако ж то повсюду известно, что Франция и Пруссия сею переменою весьма довольны, и потому сомневаться больше не можно, что они по своим видам оною пользоваться не оставят, а из того следует, что, где и в чем оба сии двора удовольствие свое находят, напротив того, мы с его величеством польским общих своих интересов, конечно, не находим. 5) Что ежели б иногда князья Чарторыйские с своими друзьями в известном острожном деле и при сопряженных с тем обстоятельствах во время бесплодного и несостоявшегося сейма его величеству королю некоторую неугодность оказали (к чему, может быть, не неправильную причину имели); но когда,

напротив того, в рассуждение возьмется, что и прежние многие сеймы по развращенной и ничем не поправляемой польской вольности до состоятельства своего не доходили, донныне стерпимы были, к тому ж и новоизбранной партии глава коронный гетман как в самом начале, так и в продолженных соглашениях о сем спорном деле сколь мало к желаниям и указам его величества послушания и угодности оказывал, то явственно будет, что князья Чарторыйские не столь много заслужили королевского гнева и утеснения; но со всем тем, б) что до помянутого острожского дела принадлежит, мы, оное собственным в королевстве домашним делом признавая, распоряжение и окончание оною королю с республикою совершенно оставляем, и, как уже в прошлом году чрез вас объявить повелели, не намерены мы с своей стороны в оное вмешиваться, разве когда б посторонние державы по поводу сего дела для своих дальновидных намерений стараться стали внутренние замешания в Польше распространять, тогда уже и мы обойтись не можем, по древним обязательствам с республикою, пристойные меры взять для содержания в Польше тишины и ее целости, а впрочем, 7) и без того нам принадлежит, особливо по трактату в 1716 году соглашенному в республике примирения, под медиациею здешнего двора заключенному, всегдашнее старание иметь, чтоб согласие, вольность и древние уставы республики с королем ненарушимо содержаны и сохранены были, и понеже всякие противные тому действия, например одною королевскою властью или инако насильством, или происками одних в обиду и утеснение другим персонам происходящие, благоустановленного примирения, вольности и уставов ненарушимо содержать не могут, то и ожидать надобно потому следствия нежеланного внутреннего в республике замещения и беспокойства, и в таком случае мы по силе вышеупомянутого трактата от подания правой стороне нашего вспоможения справедливо уклониться не можем, но принуждены были б самой правде по возможности содействовать".

Гросс немедленно потребовал у Брюля конференции, которая и была назначена 20 марта в присутствии Уильямса. Гросс стал читать записку, составленную из всех пунктов рескрипта. Выслушав первый пункт, Брюль вскричал: "Верно, поведение князей Чарторыйских неправильно было представлено императрице: иначе она не стала бы заступаться за королевских неприятелей". "Императрица, - отвечал Гросс, - заступает не за неприятелей королевских, но за старых благонамеренных партизанов обоих наших дворов". Уильяме прибавил: "Наша Англия не менее вольное государство, как и Польша, однако у нас члены парламента, сопротивляющиеся двору, не называются королевскими неприятелями". По выслушании второго пункта Брюль опять распространился в жалобах на Чарторыйских, но в общих выражениях, повторяя, что король пред ними не преклонится (*ne pliera pas devant eux*). Когда же Гросс дочел до выражения о чуждых происках, чинимых без ведома королевского, то Брюль горячо возразил: "Король все сам делал; это государь чрезвычайно прилежный, который все сам исследует; он работает более всех других монархов в Европе". Когда в третьем пункте было прочтено, что новая партия состоит

главным образом из французских приверженцев, то Брюль спросил: "Кто такие?", и когда Гросс назвал гетмана Браницкого и Потоцких, то Брюль сказал: "Гетман только несколько месяцев, кажется, предан французским интересам; за Потоцких, кроме воеводы бельского, я поручусь; но я хорошо вижу, что под Потоцкими разумеется зять мой граф Мнишек как старый их приятель; но я могу подтвердить присягою, что Мнишек наичестнейший человек и французским интересам противен и что король никогда не оказал бы своего благоволения человеку, известному ему за французского приверженца".

На четвертый пункт Брюль заметил, что королю все люди, ему преданные и общему благу доброхотствующие, равно приятны и по рекомендации французской одно воеводство, Брацлавское, отдано Яблоновскому, и то по желанию дофины, дочери короля, точно так, как и русская императрица ожидает, что по ее рекомендации какое-нибудь староство будет дано молодому графу Сапеге, хотя негодному человеку. Против этих слов на депеше Гросса Воронцов написал: "Из сих слов графа Брюля видно, что он был в горячности, ибо по известной всем его учтивости не токмо о рекомендованной от ее императ. величества к королю, его государю, персоне так дерзостно пред ее величества министром отозваться, но он обык и по партикулярным рекомендациям особливое снисхождение и действительные услуги оказывать; что молодой Сапега, правда, по ветреному своему нраву и не достоин бы был от ее величества призрения, но оно из великодушия, и для родни его сия рекомендация в надежде на дружбу королевскую учинена, и ежели по сему ее величества заступлению оному Сапеге королевская милость показана не будет, то не иначе здесь приняться может, что саксонский двор весьма малую атенцию к нашему имеет, о чем господин Гросс может при случае графу Брюлю искусное и умеренное внушение учинить, дабы высочайшая ее величества рекомендация бесплодно и втуне не осталась".

По прочтении 5 пункта Брюль опять рассыпался в горьких жалобах на поведение Чарторыйских во время последнего сейма и по поводу острожского дела: "Они забыли должное уважение к королю, да и прежде только пользовались королевскою милостью для собственных видов, а его величеству мало услуг оказывали; если б императрица все подлинно знала, то не защищала бы людей, которые так нагло сопротивлялись авторитету королевскому; но, как бы то ни было, король не потерпит, чтоб ему предписывались законы; король, узнав о непослушании князей Чарторыйских, выразился, что если б не сдерживала его присяга, то он отрекся бы от престола". Гросс на это заметил только, что императрица не намерена предписывать законы королю, но, полагаясь на дружбу его величества, справедливость и внимание к общим интересам, предлагает ему дружеские советы.

Против 6 параграфа Брюль не говорил ничего; но после 7-го закричал с яростью: "Надобно желать, чтоб эта записка не обнародовалась, в

противном случае могла бы возбудить волнения в Польше; и без того Чарторыйские и друзья их уже хвастались русскою помощью; но если б императрица приняла участие в польских смутах, то ведь и Франция с Пруссиею то же бы сделали". "Императрица, - сказал Гросс, - принуждена была бы вмешаться по трактату 1716 года, тогда как у Франции и Пруссии нет никакого повода вмешиваться". "В случае нарушения трактата один король должен был бы употребить средства к его восстановлению", - возразил Брюль. Тут Уильямс заметил, что трактат заключен между королем и чинами республики, следовательно, король не может быть в одно время и стороною, и судьей, почему Россия и приняла на себя гарантию трактата.

Эти слова Уильямса и следующий, осьмой параграф еще больше рассердили Брюля. Он объявил с сердцем, что король хочет быть у себя господином, а не под чужою опекою; король скорее откажется от престола; он никак не мог ожидать такого обращения от своих лучших союзников, которые, кажется, вознамерились подобными угрозами довести его до крайности. Обратись к Уильямсу, он спросил: "Что сделал бы король английский, если б другая держава дала ему такие советы насчет его домашних дел?" Уильямс отвечал, не смутясь: "Мой государь всегда охотно слушает советы своих верных союзников". В заключение конференции Брюль взял записку и обещал ее довести до сведения короля, но сказал при этом, что ответ не может быть благоприятным и что король не уступит Чарторыйским.

За этою неприятностью следовали другие: от 8 июля Гросс получил рескрипт императрицы, в котором говорилось, что еще в мае 1753 года от русского двора было предъявлено требование, чтоб находившийся при нем саксонский посланник Функ был отозван; но вместо отозвания Функа король прислал грамоту такого содержания, что если императрице надобно отозвание Функа, то король в угодность ей отзовет его; императрица отвечала, что остается при прежнем требовании; но Функ не был отозван и все остается в Петербурге, несмотря на то что после первого требования прошло уже более двух лет. Так как императрица имеет причину быть очень недовольна таким странным поведением польско-саксонского двора, ибо не только между дворами, находящимися в теснейшем союзе, но и между вовсе не дружными державами в подобных случаях всегда взаимное снисхождение показывается, то императрица повелевала Гроссу немедленно объявить графу Брюлю, что такое невнимание очень чувствительно императрице и если Функ сейчас же не будет отозван, то министры императрицы не будут иметь с ним никакого сношения.

На объявление Гросса об этом рескрипте он получил из королевского кабинета записку, в которой его просили передать своему двору, что когда было сделано первое требование, то граф Брюль отвечал тогдашнему русскому посланнику в Дрездене графу Бестужеву, что король исполняет желание императрицы; но при этом Брюль представлял ему, какое

неприятное впечатление произведет это отозвание Функа, как обрадуются этому державы, завидующие дружбе между русским и саксонским дворами, и, наконец, как трудно будет отыскать человека, который бы исполнял должность посланника с таким же знанием и достоинством, как Функ; по крайней мере он, граф Брюль, не знает никого, кто бы был способен заменить его. Эти представления были повторены в грамоте королевской к императрице, и король надеялся, что императрица уважит их. Только по прошествии целого года граф Бестужев доставил ответ императрицы, что она остается при прежнем требовании. Так как король не мог думать, чтоб это повторительное требование происходило от собственного соизволения императрицы, ибо в нем не было объявлено, почему Функ сделался противен ее величеству, и полагал, что дело происходит от чьего-нибудь частного происка, то велел графу Брюлю писать об этом к русскому канцлеру; ответа не было, и явилась причина надеяться, что ее величество изволила это дело оставить. Поэтому теперь с крайним удивлением узнали о противном: ее величество непременно требует отозвания Функа с угрозою, что в противном случае будет прервано с ним всякое сношение. Король польский, который находится в наитеснейшем союзе с императрицею и ежедневно подает опыты нелицемерной преданности и дружбы, никак не мог ожидать такой угрозы. Быть может, это был бы первый пример прекращения сношений с министром союзного двора без объявлений причины неудовольствия. Крайне удивительно то, что об этом непременном намерении императрицы требовать отозвания Функа мы прежде еще узнали из Берлина, и потому легко можно рассудить, как сильно обрадуются этому берлинский и французский дворы. Король обещал отозвать Функа и давал знать, что переводит на его место из Стокгольма барона Сакена; но так как последнего неловко вызвать из Швеции по случаю наступающего там сейма, то просил императрицу потерпеть несколько времени Функа в Петербурге.

При польско-саксонском дворе думали, что виновником этого дела был Мих. Петр. Бестужев, который сердился на Функа за то, что тот не оказал ему в Поторбурге никакой помощи по случаю его женитьбы.

Действительно, Бестужев донес своему двору о словах Брюля, что Функ назначен к петербургскому двору более по желанию императрицы, чем короля, и по поводу этого донесения был также сделан запрос, на каком основании были сказаны эти слова. Брюль заперся, что говорил их. Когда оба эти ответа по делу Функа были препровождены в Петербург, то Гросс получил рескрипт с выговором, зачем он вел все то дело на бумаге, оба ответа возвращены с приказанием отдать их назад саксонскому министерству как такие пьесы, каких императрица не привыкла принимать, и притом дать знать, что императрице очень чувствительно мнение саксонского двора, будто ее решения делаются не по собственной ее воле, а зависят от чуждых внушений. Медленность ответа происходила оттого, что императрица в таком маловажном деле не хотела входить в лишнюю

переписку, считала достаточным устное заявление своего министра о ее желании. Объявление, что с Функом будут прекращены сношения, не есть какая-нибудь угроза: этим объявлением желалось показать саксонскому двору, как умеренно поступает императрица, ибо, видя такое отлагательство, она давно имела бы право сделать это с Функом, если б ее не удерживала дружба к королю. Императрице кажется странным, что саксонский двор старается у союзного двора удержать министра, который ему противен; удивительно и то, что саксонский двор в два года с лишком не мог отыскать способного человека на смену Функу. На упрек, что императрица не упоминает о вине Функа, ответ: если б она не имела достаточной причины в неудовольствии на Функа, то не приказывала бы так домогаться об его отозвании. Императрица не понимает, почему Пруссия и Франция могут обрадоваться отозванию Функа: они будут гораздо довольнее тем, что саксонский двор так долго проволочивает отозванием от русского двора неприятного императрице министра. Рескрипт оканчивала так: "Вы имеете без отлагательства о всем вышеописанном графу Брюлю точно на словах изъяснить, присовокупя к тому, что мы из всего оного не можем иного заключать, как что его величеству королю, зная, по каким-либо консидерациям удержание здесь помянутого Функа более надобно, нежели наша дружба; что мы предаем на волю его величества прислать сюда на смену Функу барона Сакена или кого-нибудь другого, ибо по той кондиции, с которой барон Сакен сюда назначается, нетрудно понять, что отзывом Функа еще на долгое время проволочить хотят, а мы неотменно желаем, чтоб оный неприятный нам министр от нашего двора действительно и без всякого замедления отозван был. Сия есть последняя наша резолюция".

С Англиею дело остановилось за деньгами: Россия в последнем проекте союзного договора требовала 500000 фунтов стерлингов на случай действительной диверсии русским войском и 200000 фунтов ежегодно за содержание корпуса на границах; Англия предлагала за диверсию 350000 фунтов, а за содержание корпуса на границах - только 50000 фунтов. Канцлер в своей записке для императрицы говорил, что из суммы, за действительный поход платимой, едва ли что можно убавить, но из суммы за содержание корпуса на границах можно убавить до половины, ибо содержать войска на границах и без того надобно.

В июне на смену Гюидикенсу приехал новый английский посол, Уильямс, бывший при польско-саксонском дворе. Новый посол в конференции 6 июля объявил, что он торговаться не будет и объявляет ультиматум: 1) конвенция должна распространяться и на всех союзников короля английского; 2) сумма субсидий на случай диверсии будет 500000 фунтов; 3) сумма за содержание войска на границах будет 100000 фунтов. 19 июля императрица велела канцлеру и вице-канцлеру представить Уильямсу, только не ее именем, но от себя, что уменьшение субсидий за содержание войска на границах встретит большие затруднения, ибо императрица считает последний русский проект за ультиматум. Когда Уильямсу сделано

было это внушение, то он отвечал, что не будет согласно с его честью переменить то, что раз он объявил как ультиматум. Тогда императрица подписала 26 июля проект конвенции, согласной с предложением Уильямса, а 19 сентября конвенция была заключена: за означенные суммы Россия обязалась содержать на лифляндских и литовских границах корпус в 55000 человек, т. е. 40000 пехоты и 15000 конницы, и на морском берегу от 40 до 50 галер с потребным экипажем; этот корпус идет за границу, как скоро на английского короля или кого-нибудь из его союзников сделано будет нападение, а король английский высылает свою эскадру в Балтийское море. Конвенция продолжается четыре года. Ратификация замедлилась со стороны императрицы, а между тем 20 декабря канцлер пригласил послов - австрийского Эстергази и английского Уильямса, одного после другого, - и читал им следующую записку: "По обстоятельствам времени, которые становятся день ото дня более критическими, по причине неизбежной войны между Англиею и Франциею императрица повелела своему министерству просить посла откровенно и письменно изъясниться о мнениях и мерах своего двора на случай предстоящей в Европе войны, особенно если бы прусский король ее начал или в нее вмешался, т. е. если прусский король нападет на кого-нибудь из общих союзников, то с какими силами Австрия и Англия намерены ему сопротивляться или с какими силами напасть на него". Эстергази принял записку на доношение своему двору, уверяя, что его государыня свято исполнит договор 1746 года. Потом Эстергази спросил: кончено ли с Англиею дело о субсидном договоре, потому что его двор сильно им интересуется, считая основанием доброй системы, и по нем распорядит дальнейшие свои меры. Когда ему сказали, что для окончания дела все еще ожидается высочайшее повеление, то он сильно задумался, а потом сказал: "Не знаю, как мне эту записку послать к своему двору, не давши при том знать об английской конвенции как главном деле, и как мне уничтожить беспокойство, в которое мой двор непременно будет этим приведен?"

Уильямс, выслушав записку, тотчас спросил: "А наша конвенция ратификована?" Когда и ему сказали, что еще ожидается высочайшее повеление, то он, *совсем потупясь*, отвечал: "Я надеялся приехать на конференцию совсем для другого дела, а не для принятия читанной мне записки. Уже три недели, как я сообщил о полученных мною из Лондона ратификациях; но я ни одним словом не докучал о скорой их размене, уважая время и покой ее императорского величества, особенно услышав, что ее величество, чувствуя боль в руке, по несчастию ее снова повредила. Я и давно терпеливо и с благоговением буду ждать, только бы я был уверен и мог уверить свой двор, что медленность в размене ратификаций не поведет к разрушению самого дела. Читанная мною записка, собственно, не заключает в себе ничего, против чего бы можно было спорить, но принять я ее не могу прежде размена ратификаций, не приводя этим короля своего в крайнее беспокойство и не подвергая себя его гневу и потере всякого доверия. Я уже и так несчастлив, что в Лондоне узнают об этом из Вены, куда Эстергази отправит записку".

После того Уильямс не переставал жаловаться на медленность в размене ратификаций и наконец объявил, что больше не будет ездить ко двору. Вице-канцлер уверял его, что императрица неизменна в дружеских чувствах своих к английскому королю. "Может быть, - прибавил Воронцов, - сомнение императрицы происходит оттого, что ее величеству не желательно посылать свои войска так далеко в Германию или Нидерланды и желательно употребить их только для диверсии против короля прусского, когда он вмешается в войну". "Я, - отвечал Уильямс, - не могу по этому предмету вступить ни в какое рассуждение; только в одном могу уверить, что когда ее величество изволит ратификовать трактат, то его величество король охотно исполнит желания императрицы, о которых я ему и донесу; но прежде ратификации не может быть ни о чем речи. Дело понятное, что, прежде чем русские войска придут в Германию, Франция может завоевать Нидерланды или Ганновер; русские войска будут потребованы на помощь только в крайнем случае; при заключении договора королевское намерение было то, чтоб сдержать прусского короля, а союзников своих, Австрию и Голландию, сохранить в общей системе, ибо венский двор решительно отказался посылать свои войска для защиты Нидерландов, чтоб не обнажить свои германские владения против прусского короля, но в случае заключения субсидного трактата между Россиею и Англиею обещал отправить войско в Нидерланды, да и голландцы, узнав о трактате с Россиею, примут решения, более полезные для общего дела". "Не можете ли вы, - сказал Воронцов, - дать письменную декларацию того, что вы сейчас сказали: это будет очень приятно ее величеству". Но Уильямс отвечал, что прежде ратификации он ни во что вступать не может; но если при размене ратификаций ее величество изволит через свое министерство предложить об этом, то он донесет своему двору и надеется, что король сделает все возможное, чтоб удовлетворить желание ее величества.

В Швеции продолжен был на десять лет союз с Франциею, но отклонен союз с Пруссиею, и вообще положение партий в Швеции не могло грозить России большою опасностью в случае европейских замешательств. Панин так объяснял своему двору положение дел в Стокгольме: по смерти короля Фридриха на первом сейме прежняя французская партия поссорилась с новым королем и приняла название сенатской партии; тогда многие из ее членов отделились от нее для собственных выгод и объявили себя придворною партией, а благонамеренные (т. е. колпаки) поделились между этими двумя партиями. Вражда между королем и Сенатом разгоралась все более и более, причем Сенат старался поддержать себя распространением слухов, что шведской вольности грозит опасность от короля. Граф Тессин пережил свои способности и удалился от дел, после чего ни у одной партии не оказалось вождя. Королева, разнуздавши свою гордость, самолюбие и самовластие, приобрела всеобщую ненависть. Она немало содействовала холодности между Сенатом и берлинским двором, ибо хотя она и не чуждается французской системы, но боготворит одного своего брата, прусского короля, один его интерес соблюдает, а Фридрих II хочет посредством нее управлять Швециею без посредства Франции.

Приверженцы русского союза тесно соединились и так усиливаются, что король от них ждет поправления своим делам. Главным между ними почитается граф Браге, основания их программы - сохранение конституции и союз с Россиею. Двор волею и неволею их ласкает, и, чтоб заставить их более войти в свои виды, король хотел дать им 50000 платов из своего ларца на издержки партии по случаю наступающего сейма, но они не хотят о том слышать, думая, что всякий добрый результат, достигнутый ими с чистыми руками, будет считаться услугою при дворе, а деньги дадут двору право требовать от них более, чем они сами сделать намерены; но так как движения партии действительно требуют чрезвычайных расходов, то они своего имения не щадят. Французский посол с своею партией следит за каждым шагом благонамеренных. Главная цель французской партии состоит теперь в том, чтоб не допустить графа Браге удержать в своих руках ландмаршальский жезл, но выбрать в ландмаршалы генерал-майора графа Ферзена, который воспитан и служил во Франции, душою и телом ей предан и слывет очень умным и способным человеком. Граф Браге с своими друзьями очень хорошо понимают, как им трудно преодолеть противную партию и напасть на господствующую систему без русской помощи; но если партия Браге упадет, то останутся только две - придворная и сенатская, и сейм должен будет или усилить власть короля, давши ему право производить в чины и должности, чем отворится дверь к самодержавию, или ограничить власть короля в пользу Сената, отчего влияние Франции еще более усилится. Чтоб помешать таким вредным для России следствиям и не дать упасть партии добрых патриотов, нужна сумма от 20 до 30000 рублей, которая должна пойти именно для доставления ландмаршальского жезла графу Браге.

В ответ на эту реляцию Панин получил от канцлера такое письмо: "Думая, что на реляцию вашего высокоблагородия ответом из коллегии и поспешено не будет, я за нужно нахожу подать вам на оную от меня некоторые объяснения. Кто бы в оную ни заглянул, по справедливости признаться должен, что она преисполнена прямою к службе ревностью и усердием; только же я вам откровенно признаюсь, что, хотя она больше злостных, нежели рассматрительных, критиков возбудила, я не мог, однако ж, ни оные совершенно опровергать, ни вас довольно защитить и оправдать. Чтоб на раздачу шведам сумму определить, о том здесь ниже слышать хотят. Правда, я и в самом себе мало нахожу к тому склонности, да ваше высокоблагородие и припамятовать может, что я уже пред давным временем мое мнение откровенно и дружески объявил, что не остается более, как предавать нам шведов их собственному жребию, довольствуясь одними безубыточными случаями вселять между ними собственно друг к другу недоверенность и несогласие. Образ их правительства сам то по большей части или и единственно делает; а что до посторонних денег принадлежит, то, сколько мне лакомства их и бедность ни сведомы, пример неоднократных издержек довольно, однако ж, показывает, что, сколько нам волка ни кормить, он в лес убежит, да, правду сказать, и признаться надобно, что, какие бы мы великие там суммы ни истощили, Франция с

половинными издержками всегда больше нашего сделает; между нами сказать, сколько мы шведам ни твердим, что прямой их интерес требует во всегдашней дружбе и искреннем с нами согласии быть, а сего интереса никогда, однако ж, найти не могу, да и на словах о нем только говорится, а никогда еще предпринято не было его доказывать. Но, обращаясь и паки к деньгам, я не вижу великой из того пользы, что граф Браге ландмаршалом избран был бы. Мы никаких особых (дел) к произведению на сейме не имеем, да хотя бы и имели, то поверьте мне, что и он швед и не лучше будет, как барон Унгерн-Стернберг, который вместо признания (благодарности) только нам вредил. Более того, я верю, что всякий швед, лишь бы случай получил, готов всегда злость свою к нам оказать и тем у себя рекомендоваться. Одним словом, я сожалею, что ваше высокоблагородие прежде присылки вашей реляции со мною о том не снесли; но когда сие уже прошло, то я только для вас самих прошу об оной в последующих не упоминать, также, ежели б что особенного и случилось, сперва ко мне писать, дабы я, сличая обстоятельства, мог то или другое вам с рассмотрением присоветовать. Я уповаю, что ваше высокоблагородие за противное не примете сии примечания, паче же, из постскрипта усмотря новые знаки моей к вам беспредельной откровенности, наиболее уверитесь об ней и об моей к вам искренней преданности". В постскрипте канцлер извещал о заключении субсидного договора с Англиею и в конце заметил о шведском посланнике в Петербурге Поссе: "Барон Поссе, сколько наружность ни наблюдает, есть, однако ж, внутренно клятвенный мне и вам злодей, хотя к тому другой причины и не имеет, как только что он родился швед да таким и жизнь свою скончает". Рескрипт от имени императрицы Панину заключал отказ в деньгах на том основании, что прежде истраченные на сеймах деньги не принесли никакой пользы.

Мы видели, какую тревогу наделало в Константинополе построение крепости св. Елисаветы; видели, что этой тревоги особенно испугались союзные дворы - английский и австрийский, которые, рассчитывая на помощь России в своих делах, с ужасом предусматривали возможность отвлечения русских сил на юг вследствие войны турецкой. Их настояния произвели то, что в Петербурге решились в случае крайней необходимости успокоить Порту объявлением, что императрица согласна остановить дальнейшее построение крепости до тех пор, пока дело не разъяснится, пока Порты не убедится, что никакой опасности ей от этого построения нет. В конце 1754 года Обрезков успокоил свой двор донесением, что этой крайней нужды, которая требовала бы упомянутого объявления, не оказывается; но в начале 1755 года дела переменились: рейс-ефенди взял верх. Чтобы убедиться, действительно ли крайняя нужда в объявлении наступила, Обрезков обратился к Пенклеру и Портеру с объяснением, что, по его мнению, нет крайней нужды уступать Порте и он намерен отказать ей в ее требованиях; если же крайняя нужда окажется, то еще время будет объявить снисхождение императрицы. Пенклер и Портер отвечали, что если он намерен всю Европу зажечь, то пусть отказывает; что теперь

именно настает крайняя нужда как потому, что султан новый, так и потому, что Порта решила дожидаться только до половины января, а там принимать свои меры. "Вы знаете, - возражал Обрезков, - гордость и замашки турецкие, потому когда я снисхождение императрицы предъявлю, то, пожалуй, Порта станет требовать, чтоб строение крепости было вовсе оставлено и даже чтоб сделанное было разрушено". Английский посол обещал употребить все старание, чтоб удержать Порту от таких требований. Но стараний его не понадобилось: Порта вполне удовлетворилась и обещанием приостановить крепостные работы.

В Петербурге решились дать это обещание, потому что война между Франциею и Англиею уже началась и эту войну считали благоприятным обстоятельством для "сокращения сил прусского короля", а после этого сокращения надеялись легко справиться с Турциею и со всеми беспокойными соседями.